

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ И МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ

DOI: 10.17803/1994-1471.2026.190.9.019-027

М. В. Варлен*,
О. В. Соколова**

Конституционно-правовые пределы регулируемости цифровых прав в Российской Федерации

Аннотация. В статье анализируется проблема конституционно-правовых пределов регулирования цифровых прав в Российской Федерации. Конституция РФ 1993 г. (с поправками 2020 г.) не содержит специальных норм о цифровых правах, что порождает правовую неопределенность. На примере ч. 6 ст. 14 Федерального закона от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», которая ставила судебную защиту владельцев цифровой валюты в зависимость от уведомления Федеральной налоговой службы, авторы показывают коллизию между фискальными интересами государства и конституционными гарантиями. Особое внимание уделяется постановлению Конституционного Суда РФ от 20.01.2026 № 2-П, которым оспариваемая норма была признана не соответствующей Конституции РФ в части. Авторы приходят к выводу, что конституционные принципы равенства (ст. 19), судебной защиты (ст. 46), неприкосновенности частной жизни (ст. 23) и свободы экономической деятельности (ст. 8, 34) задают жесткие пределы законодательному регулированию цифровых прав. Сформулированы предложения по совершенствованию законодательства с учетом правовых позиций КС РФ.

Ключевые слова: цифровые права; криптовалюта; цифровые финансовые активы; конституция; Конституционный Суд РФ; конституционно-правовые пределы; судебная защита; равенство; правовая неопределенность; правовая категория

Для цитирования: Варлен М. В., Соколова О. В. Конституционно-правовые пределы регулирования цифровых прав в Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. — 2026. — Т. 21. — № 9. — С. 19–27. — DOI: 10.17803/1994-1471.2026.190.9.019-027

© Варлен М. В., Соколова О. В., 2026

* Варлен Мария Викторовна, доктор юридических наук, доцент, директор Института «Аспирантура и докторантура» Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Российская Федерация, 125993
mvvarlen@msal.ru

** Соколова Оксана Валерьевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры публично-правовых наук Оренбургского института (филиала) Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Комсомольская ул., д. 50, г. Оренбург, Российская Федерация, 460000
ovsokolova@msal.ru

Constitutional Law Limits of Regulating Digital Rights in the Russian Federation

Maria V. Varlen, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Director of the Institute for Postgraduate and Doctoral Studies, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
mvvarlen@msal.ru

Oksana V. Sokolova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Public Law Sciences, Orenburg Institute (Branch), Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
ovsokolova@msal.ru

Abstract. The paper examines the limits of regulating digital rights in the Russian Federation under Constitutional Law. The 1993 Constitution of the Russian Federation, as amended in 2020, contains no provisions specifically addressing digital rights, thereby giving rise to legal uncertainty. The authors demonstrate a conflict between the State's fiscal interests and constitutional guarantees analyzing Part 6 of Article 14 of Federal Law No. 259-FZ dated 31 July 2020 «On Digital Financial Assets, Digital Currency, and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation», which made judicial protection for holders of digital currency contingent upon notification of the Federal Tax Service. Particular attention is devoted to Ruling No. 2-P of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 20 January 2026 that declared the contested provision partially inconsistent with the Constitution of the Russian Federation. The authors conclude that the constitutional principles of equality (Article 19), judicial protection (Article 46), privacy (Article 23), and freedom of economic activity (Articles 8 and 34) establish strict limits on the legislative regulation of digital rights. Proposals for improving the legislation are formulated with due regard to the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation.

Keywords: digital rights; cryptocurrency; digital financial assets; constitution; Constitutional Court of the Russian Federation; constitutional and legal limits; judicial protection; equality; legal uncertainty; legal category

Cite as: Varlen MV, Sokolova OV. Constitutional Law Limits of Regulating Digital Rights in the Russian Federation. Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2026;21(9):19-27. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2026.190.9.019-027

«**В** основе конституционной философии российского государства лежит представление о человеке как высшей ценности: человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства. Ценность и достоинство человеческой личности связаны с уникальным положением человека в бытии, наличием у него сознания, разума, воли, способности к творчеству, стремлению к благу и красоте»¹. Подобными по мировоззренческой глубине словами обычно заканчивается научный труд, а нам представляется вполне возможным начать с этих слов наше исследование, задав общий

тон проблеме конституционных пределов цифровых прав.

В качестве задач настоящего исследования считаем возможным обозначить следующие: определить понятие и виды цифровых прав как объекта конституционно-правового регулирования; охарактеризовать феномен «конституционного молчания» применительно к цифровой сфере; проанализировать конституционные принципы, задающие пределы регулирования цифровых прав; исследовать правовые позиции Конституционного Суда РФ, сформулированные в постановлении от 20.01.2026 № 2-П «По делу о проверке конституционности части 6 статьи 14 Федерального закона “О цифровых

¹ Цифровая трансформация и защита прав граждан в цифровом пространстве 2.0. Доклад Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека. М., 2025. URL: https://sovets-nko.ru/files/2025/06/doklad-spch-po-pch-v-tsifre-2.0-2025-06-27_15-54-14_624644.pdf?ysclid=mgprhyittj329082514 (дата обращения: 10.04.2026).

финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Тимченко Дмитрия Игоревича»²; сформулировать предложения по совершенствованию законодательства с учетом правовых позиций Конституционного Суда РФ.

Понятие «цифровые права» впервые было закреплено в ст. 141.1 Гражданского кодекса РФ, которая определяет цифровые права как названные в таком качестве в законе обязательства и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам. Осуществление, распоряжение, в том числе передача, залог, обременение цифрового права другими способами или ограничение распоряжения цифровым правом возможны только в информационной системе без обращения к третьему лицу³.

Анализ российских нормативных правовых актов, регламентирующих правовой режим цифровых прав, позволяет выделить следующие их виды: цифровые финансовые активы (ЦФА) — денежные требования, права по эмиссионным ценным бумагам, права участия в капитале непубличных акционерных обществ; утилитарные цифровые права (УЦП) — право требовать передачи вещей, исключительных прав, выполнения работ или оказания услуг; цифровая валюта — особый объект, который определяется как совокупность электронных данных, не являющихся ЦФА или УЦП, может быть принят в качестве средства платежа и оборот которого регулируется статьей 14 Федерального закона от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифро-

вых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁴.

В то же время в научной литературе справедливо отмечается двойственная природа цифровых прав, которая выражается в том, что, с одной стороны, цифровые права понимаются как объект гражданского оборота, как цифровые права в узком, цивилистическом смысле⁵. С другой стороны, цифровая среда создает «цифровое измерение» конституционных прав и свобод, характеризуя их как цифровые права в широком смысле — права на частную жизнь, информацию, судебную защиту. При этом если в частноправовом поле создана правовая база для регулирования цифровых прав, то в публично-правовой сфере такая база отсутствует. К сожалению, Конституция РФ не содержит упоминаний о цифровых правах, цифровой личности, алгоритмической власти, цифровом суверенитете.

Отсутствие конституционного закрепления цифровых прав в широком смысле порождает правовую неопределенность, угрожающую эффективности защиты конституционных прав и свобод. Как подчеркивает С. М. Шахрай, цифровая эпоха требует переосмысления традиционных конституционных прав и свобод, а правовое противостояние экспансии цифровой реальности в жизнь социума неэффективно, а потому необходимо ускоренными темпами создавать механизмы защиты личности, ее базовых прав и свобод, и в том числе конституционных, в новой тотальной цифровой среде⁶.

В то же время препятствий для изменения конституционных положений в связи с объективно и стремительно складывающимися новыми общественными отношениями в цифровой

² СЗ РФ. 2026. № 4. Ст. 372.

³ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.03.2026) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 31.03.2026).

⁴ Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 31.03.2026).

⁵ См. об этом: Лаптева А. М. Цифровые права как объекты инвестиционной деятельности // Российский юридический журнал. 2024. № 1. С. 127.

⁶ «Цифровая» Конституция. Судьба основных прав и свобод личности в тотально информационном обществе.

среде не существует, тем более что Конституция РФ 1993 г. с момента принятия до настоящего времени претерпевала ряд изменений, которые имели различные объективные причины. Например, принятые в 2020 г. поправки стали отражением изменения общественных отношений в соответствующих областях. По этому поводу, полемизируя с публицистами по вопросу о революционном характере конституционных поправок, Б. С. Эбзеев обращает внимание, что «речь идет не о принятии новой Конституции, а о привнесении в действующий Основной Закон дополнительных смыслов, вытекающих, во-первых, из опыта четвертьвекового действия Конституции РФ, во-вторых, уровня зрелости политической системы и веле- ний переживаемой страной эпохи, в-третьих, тенденций мирового развития»⁷.

Не умаляя значимости внесенных в 2020 г. конституционных поправок в контексте рассматриваемой в этой статье проблемы, нельзя не отметить тот факт, что в части конституционного регулирования уже возникших и активно развивающихся на тот момент отношений в области цифровых прав, цифровой личности были внесены только поправки в ст. 71 Конституции, в п. «и» и «м», закрепляющие в качестве предмета ведения федерального уровня информацию, информационные технологии и связь, а также обеспечение безопасности личности, общества и государства при применении информационных технологий, обороте цифровых данных.

В то же время цифровые права как правовая категория стали предметом изучения в научной литературе, в том числе в рамках конституционно-правовой проблематики.

В частности, исследуя вопрос о целесообразности включения в конституционные тексты положений об основных цифровых правах, А. О. Четвериков отмечает, что «долгое время технологизацией (цифровизацией) почти не

затрагивались закрепляемые обычно в конституциях... основные права и свободы человека и гражданина». Причину такого подхода автор видит «во всепроникающем характере основных прав... как защищающих человека от посягательств во всех средах, включая технологическую». В то же время ситуация меняется — наметилась противоположная тенденция, демонстрирующая возможность включения цифровой терминологии в конституционные тексты. Так, в 2023 г. Конституция Республики и кантона Женева была дополнена статьей 21А, закрепившей право на цифровую неприкосновенность (*droit à l'intégrité numérique*). По вопросу целесообразности включения в конституционные тексты положений о цифровых правах автор обосновывает свою позицию прежде всего с точки зрения «ориентира, определяющего главные направления и приоритеты работы всего государственного механизма»⁸.

В. В. Невинский, исследуя сущность цифровых прав, во-первых, выделяет их основу — конституционное право человека на свободу информации, а во-вторых, выражает принципиальную позицию о том, что цифровизация не изменяет принципиальных свойств основных прав человека, хотя в будущем станет возможно рассматривать цифровые права человека в узком значении (собственно цифровые информационные права) и в широком значении (весь спектр конституционных прав человека и гражданина, в той или иной мере подвергнутых цифровой модификации)⁹.

Е. В. Алферова, исследуя взгляды ученых на цифровые новеллы российской Конституции, отмечает, что «правовая экспансия цифровой реальности в жизнь социума может стать эффективной, если ускоренными темпами создавать механизмы защиты личности, ее базовых прав и свобод, и в том числе конституционных, в новой цифровой среде, и в будущем в результате при-

⁷ Эбзеев Б. С. Актуализация Конституции России: собирательный образ поправок Президента РФ В. В. Путина и новые смыслы Основного Закона // Государство и право. 2020. № 4. С. 9.

⁸ Четвериков А. О. Право на цифровую неприкосновенность — новое основное право человека? Pro et contra // Юридические исследования. 2024. № 5.

⁹ Невинский В. В. Цифровые права человека: сущность, система, значение // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 10.

нения новых федеральных законов можно будет говорить о формировании “цифровой конституции” России»¹⁰.

Таким образом, возникает правовая коллизия: объект гражданского оборота существует и признается законом, но конституционные основы его регулирования отсутствуют. Полагая, что отсутствие прямого закрепления этих «цифровых пределов» в Конституции порождает правовую неопределенность и риски произвольного правоприменения.

Исходя из неопределенности правового регулирования, с учетом роли конституционного права в регулировании прав человека было бы крайне опасно прекратить дискуссию о необходимости правовой регламентации цифровых прав в этой плоскости, поскольку конституционное право в целом и Конституция РФ, в частности, выступают главными регуляторами основ правового статуса человека и гражданина, гарантируют реализацию и защиту прав и свобод на самом высоком юридическом уровне и, следовательно, обеспечивают переход от сугубо цивилистического понимания цифровых прав как разновидности объектов гражданского оборота, закрепленных в ст. 141.1 ГК РФ, к их широкому конституционно-правовому осмыслению как «цифрового измерения» фундаментальных прав и свобод.

Такой подход позволит, во-первых, исключить излишнюю дискрецию законодательной и исполнительной власти, поскольку на кон-

ституционном уровне будут установлены четкие конституционные ориентиры в отношении цифровых прав.

Во-вторых, установление конституционных пределов цифровых прав и свобод позволит снизить риск противоречивой, а порой и взаимоисключающей судебной практики, подрывающей принципы правовой определенности и единообразия.

В-третьих, снизится риск переноса регулирования на уровень подзаконных актов. Значительная часть норм, регламентирующих оборот цифровых прав и их защиту, содержится сегодня не в законах, а в актах Правительства РФ и ведомственных приказах¹¹, что неизбежно снижает уровень гарантий прав граждан.

Эти риски в полной мере проявили себя в деле о проверке конституционности ч. 6 ст. 14 Федерального закона № 259-ФЗ, которая предусматривала, что право на судебную защиту требований, связанных с обладанием цифровой валютой, предоставляется только при условии уведомления налогового органа о фактах владения и совершения сделок с цифровой валютой. Данная норма стала предметом рассмотрения Конституционного Суда РФ по жалобе гражданина Д. И. Тимченко, который утверждал, что она нарушает конституционные права на равенство (ст. 19) и судебную защиту (ст. 46).

Заявитель приобрел цифровую валюту путем покупки, однако при обращении в суд с требо-

¹⁰ Алферова Е. В. «Цифровые» новеллы Конституции Российской Федерации: взгляд ученых-юристов. (Обзорная статья) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4, Государство и право. 2023. № 4. С. 108.

¹¹ См., например: постановление Правительства РФ от 14.01.2023 № 17 «Об утверждении перечня услуг, оказываемых операторами информационных систем, в которых осуществляется выпуск цифровых финансовых активов, операторами обмена цифровых финансовых активов, операторами инвестиционных платформ и непосредственно связанных с выпуском цифровых финансовых активов и (или) цифровых прав, включающих одновременно цифровые финансовые активы и утилитарные цифровые права, их учетом, обращением, а также с выкупом, реализация которых освобождается от обложения налогом на добавленную стоимость»; приказ ФНС России от 28.04.2025 № ЕД-7-15/429@ «Об утверждении формата представления в налоговый орган сведений, указанных в пункте 1 статьи 86.5 Налогового кодекса Российской Федерации в электронной форме, а также состава таких сведений»; приказ ФНС России от 11.12.2024 № ЕД-7-14/1125@ (ред. от 12.12.2025) «Об утверждении форм и форматов сообщений банка, оператора платформы цифрового рубля налоговому органу, предусмотренных пунктом 1.1 статьи 86 Налогового кодекса Российской Федерации, в электронной форме» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 31.03.2026).

ванием о защите своих прав получил отказ по мотиву отсутствия уведомления ФНС. Поскольку форма уведомления на тот момент не была утверждена, исполнить эту обязанность было невозможно. В связи с этим заявитель указал, что оспариваемая норма нарушает ст. 19 и 46 Конституции РФ, поскольку ставит владельцев цифровой валюты в неравное положение по сравнению с владельцами иных видов имущества и лишает их права на судебную защиту.

Конституционный Суд в постановлении от 20.01.2026 № 2-П не только восстановил нарушенные права заявителя, но и сформулировал подходы, которые создают основу для развития конституционно-правовой доктрины цифровых прав в России.

На первый взгляд, Конституционный Суд не сформулировал принципиально новых правовых позиций, обосновав свое решение уже устоявшимися конституционными принципами: равенства (ст. 19), судебной защиты (ст. 46), неприкосновенности собственности (ст. 35), а также требований соразмерности ограничений прав и свобод (ст. 55). Однако при более глубоком анализе мы можем констатировать, что специфика цифровых прав как объекта конституционно-правовой защиты потребовала от Суда использовать различные подходы для адаптации конституционных норм к новой цифровой реальности, не имеющей привычного материального воплощения.

До вынесения постановления от 20.01.2026 № 2-П Конституционный Суд распространял гарантии ст. 35 Конституции РФ на объекты, чья правовая природа была прямо урегулирована законом (недвижимость, движимые вещи, ценные бумаги, безналичные денежные средства). Цифровая валюта же, как признает сам Суд, «в системе действующего правового регулирования... не может быть отнесена ни к одному из традиционно признаваемых видов имущества», более того, законодатель прямо уклонился от ее квалификации в рамках гражданского законо-

дательства, ограничившись указанием на то, что цифровая валюта не является ни вещью, ни бездокументарной ценной бумагой, ни цифровым правом в смысле ст. 141.1 ГК РФ.

Несмотря на это, Суд признал, что «обладание цифровой валютой наполняется в современных реалиях вполне конкретным имущественным содержанием», и, как следствие, распространил на нее конституционные гарантии, «равным образом охраняемые статьей 35 Конституции Российской Федерации». При этом Суд в каком-то смысле опередил законодателя, который не урегулировал все аспекты оборота криптовалюты, а учел функциональный аспект: поскольку цифровая валюта фактически выполняет функции средства платежа и инвестиций, поскольку она имеет денежную оценку и участвует в обороте, постольку она заслуживает конституционной защиты независимо от ее легальной дефиниции. Такой подход к цифровым феноменам означает, что конституционные гарантии распространяются на любые цифровые активы, обладающие экономической ценностью и оборотоспособностью, независимо от наличия их дефиниции в отраслевом законодательстве¹².

Таким образом, по логике Суда, любые цифровые активы (например, токены, стейблкоины), если они обладают экономической ценностью и могут быть объектом гражданского оборота, подпадают под защиту ст. 35 Конституции РФ, а законодатель, создавая «цифровые права» как объекты оборота, обязан учитывать возможность их конституционной защиты.

В ранее рассмотренных делах Конституционный Суд РФ уже сталкивался либо с прямыми запретами, либо с ограничением содержания права, либо с чрезмерными фискальными обременениями, либо с неоправданно широкими дискреционными полномочиями органов власти¹³. В постановлении № 2-П Судом выявлена «процедурная блокировка», когда законодатель, формально не запрещая права, ставит его

¹² О роли права в регулировании новых общественных отношений, возникающих в цифровой среде, о возможных трансформационных моделях их регулирования см., например: Хабриева Т. Я. Право перед вызовами цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 9. С. 5–16.

¹³ См., например: постановление Конституционного Суда РФ от 23.05.2017 № 14-П «По делу о проверке конституционности положений статей 31.7 и 31.9 Кодекса Российской Федерации об административных

реализацию в зависимости от исполнения публично-правовой обязанности, исполнение которой технически затруднено или невозможно.

Как указал Суд, в деле заявителя «отсутствие прямого указания в законе и подзаконных актах на необходимость следовать вновь введенному специальному или иному порядку информирования... способно поставить обладателей цифровой валюты в затруднительное положение». Более того, Суд констатировал, что судебная практика «зачастую не признавала отсутствие такого порядка в качестве освобождающего обладателей цифровой валюты от исполнения условия, и его несоблюдение становилось самостоятельным основанием отказа в удовлетворении исковых требований».

Кроме этого, Суд подчеркнул отсутствие связи между публично-правовой обязанностью по информированию налогового органа и частно-правовой защитой через доступ к правосудию, подтвердив, что публичные интересы, сколь бы важными они ни были, не могут служить основанием для упряднения права на суд как такового.

Эта правовая позиция для аналогичных случаев означает, что, если законом установлена обязанность, реализация которой объективно невозможна (например, из-за отсутствия утвержденной формы уведомления или из-за того, что требуемая информация не может быть предоставлена по объективным причинам), ссылка на нее как на основание для отказа в судебной защите равносильна полной отмене права на правосудие, что может быть особенно чувствительным при невозможности преодолеть административные «фильтры», встроенные в цифровые платформы и государственные информационные системы.

Принципиальным для преодоления формального подхода к регулированию цифровых прав является вывод Суда о том, что одна и та же норма может быть конституционной в отношении одной категории лиц и неконституционной — в

отношении другой, в зависимости от способа приобретения цифрового актива, то есть условия могут быть различными, если различны связанные с деятельностью лица публичные риски. В частности, Суд признал конституционным требование об уведомлении ФНС для лиц, осуществляющих майнинг цифровой валюты, поскольку возникает обязанность уплаты налогов и уведомление является необходимым элементом налогового контроля, подчеркнув, что для лиц, осуществляющих майнинг цифровой валюты, установлен порядок информирования, а возможность его исполнения не вызывает сомнений. Однако ту же норму Суд признал не соответствующей Конституции РФ в части, касающейся лиц, получивших или приобретших цифровую валюту способами, не связанными с ее майнингом, поскольку для этих лиц, во-первых, порядок уведомления не был установлен, а во-вторых, степень публичных рисков, исходящих от их деятельности, существенно ниже. Конституционный Суд обосновал различие в объеме конституционных гарантий в зависимости от публичного риска, связанного с деятельностью лица: майнинг, в отличие от простого приобретения, создает новую валюту, что требует налогового контроля и может влиять на денежно-кредитную политику, поэтому целесообразно установление большего объема (видов) допустимых обременений.

Представляется, что данную правовую позицию Суда можно распространить и на иные сферы, например на регулирование социальных сетей, на доступ к цифровым платформам, поскольку Конституционный Суд обосновал дифференцированное регулирование объективными критериями риска, но потребовал, чтобы сама возможность соблюдения требований была реальной, а санкция за их нарушение — соразмерной.

Постановление от 20.01.2026 № 2-П затрагивает еще один аспект, который в рамках нашего исследования имеет важное теоретическое зна-

правонарушениях в связи с жалобой лица без гражданства Н. Г. Мсхиладзе» ; постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2015 № 20-П «По делу о проверке конституционности части 2 статьи 1.7 и пункта 2 статьи 31.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с запросом мирового судьи судебного участка № 1 Выксунского судебного района Нижегородской области» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 04.04.2026).

чение. Оспариваемая норма не только ставила в неравное положение владельцев криптовалюты и владельцев иных видов имущества, что нарушает конституционный принцип равноправия (ст. 19), но и создавала «цифровое неравенство» между теми, кто способен исполнить публично-правовые обязанности, и теми, кто такой способности лишен.

В современном обществе доступ к цифровым технологиям, уровень цифровой грамотности, возможность получать своевременную информацию об изменениях законодательства становятся факторами, заметно влияющими на реализацию конституционных прав. Гражданин, который не знает о требовании уведомлять ФНС или не имеет технической возможности это сделать, оказывается в заведомо худшем положении по сравнению с профессиональным участником рынка. Хотя Суд не развил этот тезис, его логика позволяет сделать вывод о том, что конституционный принцип равенства в цифровую эпоху требует учитывать не только формальное равенство перед законом, но и фактическую возможность доступа к цифровой среде и понимания ее правил.

В этом контексте постановление № 2-П может рассматриваться как первый шаг к признанию того, что государство, вводя цифровые обязанности, должно обеспечивать их реальную исполнимость для всех граждан, включая наименее защищенные слои населения.

Данное исследование позволяет сформулировать следующие выводы, имеющие как теоретическое, так и прикладное значение для формирования конституционно-правовой доктрины цифровых прав в России.

Определение цифровых прав, закрепленное в ст. 141.1 ГК РФ, охватывает лишь узкий, цивилистический аспект — цифровые права как объект гражданского оборота. В то же время в научной литературе и в правоприменительной практике всё более отчетливо выявляется «цифровое измерение» конституционных прав и свобод: права на частную жизнь (ст. 23), на информацию (ст. 24), на судебную защиту (ст. 46), на равенство (ст. 19), на свободу экономической деятельности (ст. 8, 34). Отсутствие конституционного закрепления цифровых прав в их широком, публично-

правовом понимании порождает правовую неопределенность, угрожающую эффективности защиты основ правового статуса личности.

Конституция не содержит упоминаний о цифровых правах, цифровой личности, алгоритмической власти, цифровом суверенитете. Это «молчание», будучи в определенной мере адаптивным механизмом, позволяющим сохранять стабильность конституционного текста в условиях стремительных технологических изменений, вместе с тем таит в себе серьезные угрозы для конституционно-правового статуса личности. Эти угрозы перестали быть сугубо теоретическими, воплотившись в практические во взаимодействии гражданина с государством.

Постановление Конституционного Суда № 2-П выходит за рамки разрешения конкретного спора и имеет прецедентное значение для всей сферы конституционно-правового регулирования цифровых прав. Оно окончательно узаконило саму постановку вопроса о конституционно-правовой защите цифровых активов, подтвердив, что «конституционное молчание» не означает отсутствие у цифровых прав правовой охраны.

На основании исследования можем сделать вывод, что в условиях цифровой трансформации именно судебное толкование становится ключевым механизмом актуализации конституционных норм, заполняя пробелы, которые не может оперативно восполнить законодатель.

Конституционный Суд задал направление для формирования новой конституционно-правовой доктрины, где права человека в цифровой среде рассматриваются не как производные от закона, а как вытекающие непосредственно из Конституции, а их ограничение требует безусловного соблюдения принципа соразмерности.

Представляется необходимым развитие конституционно-правовой доктрины конституционных пределов цифровых прав. Особого внимания требует распространение сформулированных Судом подходов на новые вызовы, связанные с искусственным интеллектом: правовой статус ИИ-генерируемых цифровых активов, использование ИИ-агентов в обороте цифровых прав, автоматизированный контроль за их оборотом. Законодателю предстоит определить правовой статус ИИ-генерируемых активов и ИИ-агентов

в обороте цифровых прав, а также найти баланс между автоматизированным контролем и конституционными гарантиями частной жизни.

Дальнейшая разработка этой доктрины, а также своевременное законодательное реагирование на вызовы, порождаемые развитием искусственного интеллекта и иных цифровых технологий, позволят обеспечить баланс между технологическим прогрессом, фискальными интересами государства и фундаментальными конституционными гарантиями прав и свобод человека и гражданина.

Конституционные лакуны о цифровых правах, будучи не дефектом, а объективной реальностью для Основного закона, принятого в доцифровую эпоху, требуют наполнения — на уровне как доктринального осмысления, так и конкретных правовых позиций Конституционного Суда РФ и в перспективе — законодательных решений, направленных на конституционализацию цифровых прав в широком смысле, где права человека в цифровой среде рассматриваются не как производные от закона, а как вытекающие непосредственно из Конституции.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Алферова Е. В. «Цифровые» новеллы Конституции Российской Федерации: взгляд ученых-юристов. (Обзорная статья) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4, Государство и право. — 2023. — № 4. — С. 92–108.
2. Лаптева А. М. Цифровые права как объекты инвестиционной деятельности // Российский юридический журнал. — 2024. — № 1. — С. 122–132.
3. Невинский В. В. Цифровые права человека: сущность, система, значение // Конституционное и муниципальное право. — 2019. — № 10.
4. Хабриева Т. Я. Право перед вызовами цифровой реальности // Журнал российского права. — 2018. — № 9. — С. 5–16.
5. Четвериков А. О. Право на цифровую неприкосновенность — новое основное право человека? Pro et contra // Юридические исследования. — 2024. — № 5. — С. 8–31.
6. Эбзеев Б. С. Актуализация Конституции России: собирательный образ поправок Президента РФ В. В. Путина и новые смыслы Основного Закона // Государство и право. — 2020. — № 4. — С. 7–24.

Материал поступил в редакцию 19 мая 2026 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Alferova E. V. «Tsifrovye» novelty Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii: vzglyad uchenykh-yuristov. (Obzornaya statya) // Sotsialnye i humanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 4, Gosudarstvo i pravo. — 2023. — № 4. — S. 92–108.
2. Lapteva A. M. Tsifrovye prava kak obekty investitsionnoy deyatel'nosti // Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal. — 2024. — № 1. — S. 122–132.
3. Nevinskiy V. V. Tsifrovye prava cheloveka: sushchnost, sistema, znachenie // Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo. — 2019. — № 10.
4. Khabrieva T. Ya. Pravo pered vyzovami tsifrovoy realnosti // Zhurnal rossiyskogo prava. — 2018. — № 9. — S. 5–16.
5. Chetverikov A. O. Pravo na tsifrovuyu neprikosnovennost — novoe osnovnoe pravo cheloveka? Pro et contra // Yuridicheskie issledovaniya. — 2024. — № 5. — S. 8–31.
6. Ebzeev B. S. Aktualizatsiya Konstitutsii Rossii: sobiratel'nyy obraz popravok Prezidenta RF V. V. Putina i novye smysly Osnovnogo Zakona // Gosudarstvo i pravo. — 2020. — № 4. — S. 7–24.